

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ В ЖАНРАХ Р. РОРТИ

3. Батжаргал - МУИС-ийн МХСС-ийн Ардын Урлаг Судлалын тэнхмийн докторант

Ключевые слова: неопрагматизм, история философии, жанры исторической реконструкции.

В статье рассматриваются проблемы восстановления истории философии в логике и жанрах знаменитой историко - герменевтической работы современного философа Ричарда Рорти "Историография философии: четыре жанра", которая актуальна для создания последующих работ по истории философии и интересна для студентов во избежании всевозможных и распространённых доксографий.

Наши студенты часто задают нам, своим преподавателям, вопрос о том, какие проблемы волнуют современных философов и как можно интерпретировать их взгляды, что является позитивным и негативным с точки зрения их философских концепций и действительного опыта. Мы сделали попытку ответить на этот далеко не праздный вопрос, обратившись к одной, на наш взгляд, очень интересной работе американского философа Ричарда Рорти "Историография философии: четыре жанра", написанной в 1984 году, именно потому, что она имеет самое современное звучание и, главное, отголосок на интеллектуальную жизнь Монголии.

Ричард Рорти, представитель неопрагматизма и, как определял он сам, представитель постфилософии, то есть неклассической философской традиции, был профессором Пристонского университета, умер от болезни в 2007 году в возрасте 75 лет. "Одну из главных задач своего творчества Рорти видел в том, чтобы показать, что вся современная философия, преодолевшая «языковой барьер» и пробившаяся в авангард современной мысли, это по существу своему философия *прагматическая*. С этим трудно не согласиться. Рорти, бесспорно, прав, утверждая, что в настоящее время философия уже не может отрываться от реальной жизни, а, наоборот, должна подчиниться её интересам, как бы далеко они ни отстояли от интересов самой философии".¹²⁷

Рорти, указывая на неполноту субъект – объектной схемы классического философского познания, обращает внимание на сферу ценностей, которые не могут быть чисто теоретическими конструктами, а представляют собой точки соприкосновения теории и практики, философии и жизни. Именно ценности, или же смыслы определяют существо философской проблематики и определяют тематику современного философствования. Понятно, что смысл для него обладает своеобразным онтологическим статусом, который нельзя свести ни к субъективности, ни к объективности, так как представляет собой некий синтез знания, веры и действия. "У каждого – своя истина" есть его "золотое правило" современного философствования с внелогической доминантой смысла и свободой.

Раскрывая проблему обоснования истории философии Р.Рорти анализирует четыре основных жанра, в которых она только и может существовать. Он показал, что любая история – history, с ее претензиями на научность и объективность, на самом

¹²⁷ Рыбас.А.Е.Элиминативизм Рорти и проблема обоснования новой рациональности. "Современная философия как феномен культуры: исследовательские традиции и новации". Материалы научной конференции. СПб.,2001.

деле чаще является художественным произведением – story с соответствующим сюжетом. В этом смысле классический дискурс отличается от современного тем, что не понимает художественности этой научности, поэтому пытается построить и объяснить универсальную картину мира. Очевидно, что эта задача здесь невыполнима.

А если, иногда кажется, что истина постигнута и удалось познать существо процессов, то это бывает потому, что под маской научности действуют законы риторики. Современная философия, по Рорти, выводит риторику из латентного состояния и рассматривает ее не как антипод научности, а как ее действительную форму. Это значит, что history должна пониматься как story, т.е. как творческое создание интеллектуалов данной эпохи, необходимое для решения насущных проблем и для совершенствования форм человеческой жизни.

Использование дефиниций и аргументаций здесь не столь важно, – “что важно, так это создание нового повествования - story, новой языковой игры в надежде на новую форму интеллектуальной жизни”.¹²⁸ Затрагивая в этой связи проблемы рассмотрения истории философии, Р.Рорти определяет такой жанр восстановления развития философии – как “рациональные реконструкции”, которые чаще пытаются осуществить аналитические философы. В поисках философской истины они используют современные философские взгляды и словарь для описания воззрений наших предшественников. Осуществляя рациональные реконструкции аргументов великих философов прошлого, они надеются сделать их своими современниками, коллегами, с которыми можно обмениваться взглядами.

В освоении такого исторического знания не избежать ограничения, что наше рассмотрение зависит от использования критериев описания и классификации, которые не доступны рассматриваемому субъекту и тому, “что он делал или имел в виду” на самом деле. Философу прошлого навязываются посылки и темы, которых он никогда не рассматривал. А так как наши великие предшественники и их же современники и знать не знали того, что мы знаем теперь, мы отсылаем их на переквалификацию, чтобы лучше вести разговор, осознать существование других форм интеллектуальной жизни, нежели наша собственная. “Мы хотели бы быть способными рассматривать историю нашей расы как продолжительный обмен мнениями. Мы хотим быть способными рассматривать её таким образом, чтобы увериться, что в официальной истории был реальный прогресс, что наше отличие от наших предков зиждется на тех основаниях, которые наши предки могли бы принять. Потребность в уверенности на этот счёт также велика, как и нужда в самоосознании”.¹²⁹ Естественное желание вести спор с великими людьми и прояснять общие для всех идеи приводят к признанию, что мы лучше и яснее представляем эти идеи, взяв на себя право даже подсказывать и исправлять их с высоты сегодняшнего контекста.

“Такого рода упражнения в попытках соизмерить контексты, являются, конечно, анахронизмом. Но если они осуществляются с полным опознанием этого анахронизма, против них нельзя возразить. Проблемы, которые при этом поднимают, это – вербальные проблемы, – рассматривать ли рациональные реконструкции как “уточняющие, что философы прошлого сказали на самом деле”, а также, – на самом ли деле рациональная реконструкция “реально” делает историю. Ничто не подсказывает нам ответа на оба вопроса”.¹³⁰ Невозможно подогнать текст, приписать и инспирировать кому-

¹²⁸ Rorty R. Philosophy in America Today. “The American Scholar.” № 51. 1982. P.183-200.

¹²⁹ Рорти Р. Историография философии: четыре жанра. В книге Джохадзе И.Д. “Неопрагматизм Ричарда Рорти.” (Приложение) М., 2001.С.182.

¹³⁰ Там же.С.183.

либо наши собственные, пусть даже не случайные проблемы и нынешние термины в попытках оживить исторические фигуры прошлого в свете поздних, лучших работ в философии.

Дискуссия с предшествующими философами может рассматриваться в альтернативе второго жанра – в “исторических реконструкциях”, в которых великого мыслителя прошлого рассматривают “в его собственных терминах” с воссозданием интеллектуальной обстановки того времени и действительных разговоров, которые они вели со своими современниками. Такое освоение исторического знания связано с оттеснением своего собственного, более совершенного знания, избегая анахронизм. Понимание значения утверждений мыслителя состоит в помещении этих утверждений в его контекст, а не в извлечении его смысла из сознания мыслителя эпохи его собственной жизни.

Историк и антрополог хочет детально знать, как жили и говорили древние люди со своими соплеменниками и как реагировали на других, желает проникнуть в их головы и знать то интересное, чего не знает самый образованный и современный учёный. Как и историк науки, они пытаются вообразить себя среди учёных прошлого и описать, “что они делали или имели в виду” в действительности, выпуская из виду позднейшее развитие. Изучение истории идей приобретает значение для обнаружения главного различия в том, что необходимо имело место и тем, что является результатом наших, идеальных конструкций и собственного осознания. Как пример Рорти отмечает, что контекстуальная историческая реконструкция провозглашает, насколько Платон и Аристотель великие и впечатляющие, что описание их в терминах, которые придумали такие люди как Гоббс и Беркли, будет представляться весьма странным.

Историк – контекстуалист, оставляя философов в рамках прошлого, невозмутимо отмечает с высоты современного времени, что исторически являясь продуктом своего времени, они не затронули проблем, которые сегодня являются важными и даже как-то решены, так как были вне поля внимания наших предшественников. Оба этих жанра являются самооправдательными с применением своих риторик обоснования. Определение значения в действительном контексте связывается с определением истины, помещённой в контекст утверждений, которые мы сами хотели бы сделать в зависимости от того, во что мы верим, как в истину. “Рациональных конструкций, имеющих целью найти осмысленные истины или важные заблуждения в работах великого философа прошлого, может быть столько, сколько есть важных различных текстов, в которые могут быть помещены его работы”.¹³¹ Понимание значения и смысла утверждения зависит от того, что мы хотим получить из анализа утверждения, опираясь на всё более совершенствующееся знание.

Такую же цель самооправдания позиции автора преследует третий вид в дополнение к первым двум – размашистая “история духа” – представителем которого Рорти определяет Гегеля. В наши дни этот вид представлен работами Хайдеггера, Райхенбаха, Фуко, Блуменберга и Макинтайра. В противоположность тем двум видам, история духа “работает скорее на уровне проблематики, нежели на уровне решения проблем. В *Geistesgeschichte* (истории духа) уделяется большое время вопрошанию “Почему некто мог считать такой-то вопрос центральным для своей работы?” или “Почему некто рассматривал такую-то проблему серьёзно?”, чем вопрошанию того, в какой степени ответы или решения великого философа прошлого соответствуют решениям современных философов”.¹³² Третий вид истории философии решает, что представляет

¹³¹ Рорти Р. Историография философии: четыре жанра...С.183.

¹³² Там же.С.184.

ценность для философского размышления – какие именно важные проблемы следует неизбежно обсуждать и должны быть рассмотрены мыслителями “всех времён и народов”.

Определяя, какие вопросы являются философскими и по настоящему важными и необходимыми, производится выбор великого философа прошлого, описывается всё его творчество в грандиозных историях, а не только значимая часть его работы или частное решение данных философских проблем. “Geisteshistoriker (историк духа) определяет место философа, а не наоборот. Он делает это, подбирая исторические фигуры, и через драматический пересказ, показывая, как мы пришли к вопросам, которые сейчас рассматриваем как неизбежные и основательные. Если эти фигуры оставили после себя сочинения, то их сочинения образуют канон – этакий перечень обязательной литературы для чтения, которое необходимо для оправдания бытия таким, как оно есть”.¹³³ Этот жанр историографии философии берёт на себя ответственность называть некоторых авторов “великими философами прошлого”. Например, Хайдеггер интерпретировал Кьеркегора как религиозного писателя, нежели мыслителя.

Данный жанр использует рациональные и исторические реконструкции, которые независимы от формирования канона только теоретически, и в то же время синтезирует их, устраняя их сомнения в важности философских проблем. Они образуют “милый пример стандартной гегелевской триады”. “Этот жанр является самооправдательным также, как и рациональная реконструкция, но движим надеждой на большее самоосознание, чем то, которое заставляет людей заниматься историческими реконструкциями. Потому что Geistesgeschichte (история духа) хочет, чтобы мы осознали факт нашего нахождения в пути, что драматический нарратив, предлагаемый нам, должен быть продолжен нашими последователями... Сутью жанра является то, что даже если некоторые из обсуждавшихся до сих пор вопросов действительно были необходимыми и неизбежными, у нас нет никакой определённости по поводу того, какой из вопросов имел такой характер”.¹³⁴ Тем не менее, любая реальная книга по истории философии будет смесью этих трёх жанров.

Резко критически Р.Рорти описывает доксографию, не имеющую отношение к трём жанрам – сомнительный, но самый известный и распространённый вид истории философии. Представленный исчерпывающими книгами по истории философии от Фалеса до наших дней, он навевает скуку и вызывает отчаяние. Эти историки философии работают с традиционным канонem одних и тех же типичных центральных проблем философии, неискренне пытаюсь вместить новые вопросы и новые открытия в старые каноны. Представляя, что лучше осознают философские проблемы, чем великие предшественники, они оправдывают свой выбор этих проблем как важнейших, которые призваны увязать всех в одну схему. Вред доксографов состоит в том, что сковывая мыслителей, они скидывают в одну кучу Лейбница и Гегеля, Милля и Ницше, Декарта и Карнапа, Канта и Делёза, заставляя их говорить на одни и те же темы, стирая различия между историческими эпохами, и независимо от того, интересуется ли этими темами сам историк или читатель.

“История философии, оторванная от более широкой интеллектуальной истории, имеет смысл только в том случае, если она покрывает век или два, например, если она представляет собой шаг от Декарта до Канта, Гегелевская история развёртывания картезианского субъективизма в трансцендентальную философию являются интересными примерами нарратива, который может быть сконструирован при

¹³³ Рорти Р. Историография философии: четыре жанра...С.187.

¹³⁴ Там же.С.188.

игнорировании более широких контекстов”.¹³⁵ Книги же, начинающиеся от досократиков до Витгенштейна или Рассела, полны искусственными оправданиями, тенденциозными попытками подогнать всех под старые и известные заранее рубрики, пытаюсь “снять сливки” интеллектуальной истории. Сообщество философов должно иметь свободу в поисках своих предшественников без ссылки на установленные каноны великих философов прошлого и без прослеживания связи, объединяющей их всех в одну книгу. Рорти отмечает, что эксперименты, связанные с изменением канонических и созданием своего, нового канона возможны через историю духа, но они не поощряются самодовольной доксографией. История духа же может изменить каноны так, как не сможет изменить доксография.

Совсем другое дело представляет отдельный четвёртый, более богатый жанр – “интеллектуальная история”, свободная от канонических, опирается на все, указанные выше, виды и риторические. “В картине, которую я хочу представить, интеллектуальная история есть сырой материал для историографии философии, или – если прибегнуть к другой метафоре – почва, из которой произрастают истории философии”.¹³⁶ Интеллектуальная история – это история о людях, это история о мыслях и деятельности людей в обществе определённой эпохи, описание того, что значит быть интеллектуалом в то время и в том месте. Это могут быть необычные книги, главы или параграфы, которые читают и размышляют о том, чем являлись люди, которые имели влияние в панораме общественной мысли и культуры своего времени, каковы были тогда условия и возможности для интеллектуалов и любознательных людей.

Выходя за рамки истории дисциплины и игнорируя проблемы, выбранные для неё как важные, и вопросы, каких людей считать великими учёными или каких считать философами, этот жанр позволяет быть осведомлённым не только в истории дисциплины, но и в языке, в социальной, экономической, политической истории, истории культуры и искусства той эпохи, а также позволяет соотнести эти сведения с современными условиями, возможностями, волнениями и надеждами и почувствовать эти различия в разных временах и местах. “Если кто-либо хочет понять, что значит быть учёным в Германии XVI века, политическим мыслителем в Америке в XVII веке, учёным во Франции в XIX веке или же журналистом в Британии в XX веке, если кто-либо хочет узнать, какого рода искушения и дилеммы вставали перед молодым человеком, который желал быть частью высокой культуры в те времена, в тех странах, то этот кто-либо как раз тот, о ком следует знать”.¹³⁷ Примером может быть книга Н.Фиринга “Моральная философия в Гарварде в XVII веке”(1981г.), включающая жизнедеятельность президентов и губернаторов.

Когда мы сможем написать детальную и убедительную, взаимосвязанную европейскую историю, где стирается различие между уровнем истории духа и интеллектуальной историей, а главное, между великими и “второстепенными” философами прошлого, тогда различие между философией и литературой, религией, политикой и социальной наукой становится менее важной. Тогда без пристального внимания не останутся оригинальные и не менее влиятельные люди для последующих поколений, которые направляли дисциплины в новое русло как Парацельс, Монтень, Гроций, Бейль, Лессинг, Пейн, Кольридж, Ал.Гумбольдт, Эмерсон, Т.Хаксли, М.Арнольд, Вебер, Фрейд, Ф.Боас, Липпман, Д.Лоуренс, Т.Кун и т.д. Новые рассуждения в интеллектуальной истории, взаимодействуя с современными тенденциями и

¹³⁵ Рорти Р. Историография философии: четыре жанра...С.190.

¹³⁶ Там же.С.194.

¹³⁷ Рорти. Р Историография философии: четыре жанра...С.193.

модификациями, позволят переформулировать и сотворить новые каноны великих философов прошлого.

Кроме этого, интеллектуальная история будет выполнять такую же диалектическую роль скептицизма и дополнения в отношении истории духа, какую историческая реконструкция выполняет в отношении рациональной реконструкции. "Интеллектуальная история работает на поддержание истории духа в качестве честной дисциплины, точно так же, как историческая реконструкция сохраняет честность рациональной реконструкции. Честность здесь заключается в том, что в уме мы не исключаем возможности того, что наш самооправдывающий разговор – это скорее разговор с продуктами нашей фантазии, нежели с историческими персонажами, даже с персонажами, прошедшими идеальную переподготовку".¹³⁸ Тем самым мы подходим к вопросу – в каких отношениях мы лучше или хуже тех или иных наших предшественников – которого всегда сторонится доксография. Она непременно должна быть тесно связана с историей духа, где Гегель в диалектически рассматриваемой истории связывал различных философов со священниками и правителями того времени, как потом и Фуко в "Словах и вещах". Может быть, наши учебники являются доксографиями больше, нежели мы представляли?

"Чем более интеллектуальную историю, в которой не надо беспокоиться о том, какие вопросы являются философскими, и кого надо считать философами, мы можем получить, тем лучшие шансы мы имеем для выбора наиболее подходящего канона. Чем более разнообразные каноны мы принимаем, чем больше конкурирующих *Geistesgeschichten* (историй духа) есть перед нами, тем более вероятно, что мы реконструируем сначала рационально, а потом исторически, интересных мыслителей".¹³⁹ В этой конкуренции проигрывает, конечно, доксография.

В этом смысле философия может существовать только как история философии, где важны все жанры и риторики. "Всякий философ является одновременно историком философии, и наоборот, изучение истории философии - предпосылка свободного и осмысленного философствования. Под рубрикой историцизма философская мысль, полагает Рорти, только и может рассматриваться адекватным образом - как *культурный процесс*, а не как готовый *продукт*, в динамике "случайного" диалектического развития, а не в статике "объективированного" конечного результата. Философия как теория, таким образом, "преодолевается" историей философии, фундаментализм - историцистским подходом".¹⁴⁰ Доминирующей формой философствования становится историософия (Соловьёв В.С.), где история является предметом философского осмысления и постижения истины. И хотя, голова Ангела истории повернута назад в прошлое, это не значит, что к будущему он всегда поворачивается спиной.

В основании историко – философского дискурса лежит проблема отношения современности и истории, соотношения современности и традиции, которая ещё более драматизируется под натиском современной глобализации и интеграции. Тогда, с возрождением традиций, сюжетное истолкование прошлой истории актуализирует жанры, о которых блестяще написал Ричард Рорти в рассматриваемой нами работе, которая является примером современного философского анализа.

¹³⁸ Там же.С.195.

¹³⁹ Рорти Р. Историография философии: четыре жанра...С.196.

¹⁴⁰ Джохадзе И.Д. Неопрагматизм Ричарда Рорти. М.,2011.С.99.

Хураангуй

Өнөө үеийн америкийн нэрт философич Р.Рорти нь философийн түүхийг үзэх дөрвөн жанр болох “рациональ сэлбэн байгуулалт”, “түүхийн сэлбэн байгуулалт”, “оюун санааны түүх”, “оюун ухааны түүх” зэргийг тайлбарласныг авч үзээд доксографи болох жанрыг шүүмжлээд оюун ухааны түүх нь давуутайг харуулахыг оролдсон юм. Р.Рорти философийг гагцхүү философийн түүхээр дамжин оршдог учрыг батлан, аливаа түүх хэзээд бодит байдлын history болохоос илүү уран сайхны дүрслэлтэй story болох өөр замгүйг нотлоод, энэ нь бидний өнөөгийн үнэлэмж, үнэн гэж итгэх үзлээс хамааран боловсруулагддаг жанруудыг оновчтой тодорхойлсон юм.

Литература.

1. Рорти Р. Историография философии: четыре жанра. В кн. Джохадзе И.Д. “Неопрагматизм Ричарда Рорти”. М.,2001.
2. Рорти Р. Философия и будущее. “Вопросы философии” 1994.№6.
3. Джохадзе И.Д. Неопрагматизм Ричарда Рорти. М.,2001.